

Анна Стремінська

Вночі виходиш – навкруги світло

* * *

Кристали снігу бачу на пальто –
то досконалості я чую голос.
І розумію: перед нею я ніхто.
А сніг – це логос.

Отримаєш від снігу білий лист:
а в ньому вірш чи просто слово «здраслуй».
І розумієш: ти душею чиста,
а сніг – це щастя.

Вночі виходиш – навкруги світло.
На всьому, скрізь, ти бачиш божі знаки.
Морозна ніч виблискує, мов скло.
А сніг – це факел.

Міста та їх руїни у пільмі,
солдати вбиті уві сні мені з'явились.
Було все в пелюшках, бинтах зими.
А сніг – це милість.

О, цей легкий і траурний політ!
Сніг укриває всі поля та битви,
а завірюха відспіває вбитих.
Сніг – це молитва.

В ту же минуту

Дворник Степан Петрович метет асфальт,
на асфальт ложатся мягкие влажные листья.
В то же самое время музыкант вынимает альт,
настраивает его, разминает кисти.
Одновременно киллер стреляет в цель,
жертва падает, листья под нею красные.
Объявлена воздушная тревога, и к нам теперь
с аэродрома Оленья что-то летит ужасное.
Котенок Тима гоняет свой яркий мячик
и загоняет его, как всегда, под шкаф.
Старушка от одиночества горько плачет,
от жизни и плача смертельно устав.
Монахиня Евфросиния печет свои просфоры
и шепчет при этом слова молитвы.
Волхвы закордонные приносят свои дары –
все что нужно для жизни и битвы.
Пара взрывов раздается в районе порта:
трое погибших, семь пострадавших.
Испугались девицы из вип-эскорта
и бегут в подвал всех быстрее и раньше.
Сережа и Мила любят друг друга,
невзирая на взрывы, не слыша сигнала.
В ту же минуту погибает солдат Нелюбов –
Двадцать пять ему было бы завтра, но миг не стало...
За океаном Гарри грабит свой первый банк,
он волнуется, как музыкант на премьере.
Под забором сидит философ Колян
и рассуждает о жизни в привычной манере.
Акушерка хлопает ребенка по попке,
и он кричит от восторга и страха.
Рука маньяка тянется к ядерной кнопке...
Котенок Тима достает свой мяч из-под шкафа.

* * *

Да будет память близких с нами
А. Тарковский

Между ковидом и шахедом,
между вакциной и обстрелом
попробуй накормить обедом
любимых в доме опустелом.
Отец отмучился в больнице,
а сын лежит на поле боя.
Есть у тебя любимых лица
на стенах, в бархатном альбоме.
Научишь азбуке полкласса
под вой сирен в сыром подвале.
Вы переехали с Донбасса,
и дети мира не видали.
Попробуй втиснуться душою
в проем меж Сциллой и Харибдой.
Согреть его и быть собою,
а что там дальше – нам не видно.
Попробуй ты раздвинуть беды
своими женскими руками.
Между ковидом и шахедом
да будет память близких с нами!

